

Илья Виноцкий
Принстонский университет (Принстон)
vinitsky@princeton.edu

Андрей Устинов
Center for Open Studies (Сан Франциско)
abooks@gmail.com

Илья Vinitsky
Princeton University (Princeton, NJ)
vinitsky@princeton.edu

Andrei Ustinov
Center for Open Studies (San Francisco, CA)
abooks@gmail.com

«РАЗГОВОР НЕБЫВШИХ»:
НЕЖИТЬ, ДАЛЬ И ДОСТОЕВСКИЙ
В «СУЕВЕРОЛОГИИ» ХАРМСА

“CONVERSATION OF THE NON-LIVING”: THE UNDEAD,
DAL’ AND DOSTOEVSKY IN KHARMS’
“SUPERSTITIONOLOGY”

В настоящей работе рассматриваются случаи «суеверологии» Даниила Хармса — как в его дневниковых записях, так и в его прозе 1930-х годов. В преломлении поверий и примет эти случаи «суеверологии» становятся для Хармса творческим материалом, в частности в сочиненном им 18 февраля 1936 г. произведении «Подслушанный мною спор золотых сердец о бешемели».

Ключевые слова: Даниил Хармс, Владимир Даль, Фёдор Достоевский, приметы, поговорки.

The essay examines cases of Daniil Kharms’ “superstitions,” both in his diary entries and in his prose of the mid-1930s. In the refraction of his beliefs and signs, these cases become for Kharms creative material, in particular in the work he composed on 18 February 1936, “The Argument of Golden Hearts About Bechamel that I Overheard.”

Keywords: Daniil Kharms, Vladimir Dal’, Fyodor Dostoevsky, signs, sayings.

For Robin Aizlewood

Елки шмыгают в лесу
стонет за морем кашей
а над городом несут
Управление вещей.

Даниил Хармс, «Авиация превращений»

Смотрите в даль перед собой.

Даниил Хармс, «Елизавета Бам»

1.

В свое время в составе работы «Дневниковые записи Даниила Хармса» был опубликован один из многочисленных листков с выписками, сделанными поэтом в долготу дней. Эти записи не датированы и следуют за семейной «Конституцией» четы Ювачевых:

Конституция ОБЯЗАННОСТИ

МУЖА

- 1). Писать.
- 2). Сочинять.
- 3). Читать.
- 4). Изучать.
- [5]. Петь.]
- [6]. Играть в шахматы.]
- [7] 5). Добывать деньги.
- [8] 6). Заводить часы.
- [9] 7). Доставать книги.
- 8). Вино.
- 9) Табак.

ЖЕНЫ

- 1). Следить за чистотой.
- 2). Заботиться о еде. [и чае].
- 3). Убирать и расстилать постель.
- 4). Заботиться о карточках.
- 5). [Читать] Ставить чайник.
- 6). [Изучать.]
- 7).

(Дневниковые записи, 1991: 485), —

и констатацией отмены этой «конституции», датированной 16 октября 1934 г.: «Мне надоело быть женатым. О как я хочу быть вновь холостым, но чтобы всё обошлось красиво, мирно и без скандала»¹. Датировка же последующих записей условная, поскольку публикаторы поддались соблазну как-то обозначить в этом наборе записей день рождения Оскара Уайльда.

¹ В подготовленном Ж.-Ф. Жаккаром и В. Сажиным издании записных книжек и дневников Хармса, эти записи разнесены; см.: (Хармс 2002: 112; 201). Единственное различие в воспроизведении текстов заключается в датировке «Мне надоело быть женатым...» 10-м октября 1934 года (Хармс 2002: 114).

Напротив, без всяких условностей на этом листке записаны четыре сентенции, относящиеся к теме предсказаний и примет, которые завершает не относящееся к ним комически-ужасное наблюдение:

Нет пророка без порока.

Всякая нежить бессловесна.

Ключи на столе — к ссоре.

Девка с полными ведрами, жид, волк, медведь — добрая встреча.

Наблюдаю в парикмахерской страшных баб. Рожи, нелепые, кривляются, хихикают. Ужасные бабы!

Мария Константиновна — мастерица, и маникюрша Вера Константиновна.

(Дневниковые записи, 1991: 485–486)².

Последнее наблюдение, видимо, дает заряд целой серии афоризмов, которые как-то оправдывают уайльдовский контекст, тайно проводимый публикаторами: «Интересно называть стихи количеством строк», «Наверно, первая птица летала не выше четырех метров», «Лизок мой лизок» (Дневниковые записи 1991: 486). Однако нас, в первую очередь, интригуют те самые четыре записи: первая пара — поговорки; вторая пара — приметы³. В интернете первая из этих сентенций регулярно приписывается Хармсу, иногда связываясь с темой Даниила-пророка (добавим, что ее рифма отсылает к известному лермонтовскому стихотворению на тему пророка в отечестве). Именно так — как авторская — была воспринята и примета о девке с ведрами, в которой интерпретатор непонятным образом обнаружил антисемитский душок, никаким образом не свойственный Хармсу (Ковалев 2003: 84).

На самом деле приведенные выше четыре «памятные записи» являются не плодами холодных наблюдений и сердца горестных замет писателя, а дословными выписками из знаменитого собрания «пословиц, поговорок, речений, прибауток, загадок, поверий и пр.» Владимира Даля. Их мы находим соответственно на страницах 1040, 1042, 1045 и 1049 первого издания *Пословиц* (то есть Хармс выписывал их по ходу чтения). Полностью сентенция о нечистой силе звучит у Даля так: «Всякая нежить безсловесна (домовой, леший, водяной и пр.)» (Даль 1862: 1042). Те же высказывания русского народа можно найти и в *Толковом словаре живого великорусского языка*.

---

² Ср. также режим заклинания дождя в записной книжке № 8: «Для того, чтобы сделать грозу, надо в поле, в том месте, где растет трава паслен, сделать ямку в земле, присев над ней, смочить ее и сказать: “Во имя Дьявола, дождись!” и тотчас найдет туча и будет дождь» (Хармс 2002: 88).

³ Ср. в записной книжке № 6 Хармса: «15 июня <1926 г.> у Марковых разбилось большое зеркало. Тпфу. Тпфу...! Дай Бог помощи. Так эта примета разрешается» (Хармс 2002: 71).

Следует заметить, что сборник пословиц и поверий Даля уже попадал в поле зрения комментаторов Хармса: так, упоминание басни о татарине, видевшем во сне кисель, в отрывке «Утро» (25 октября 1931 г.), было справедливо связано с поговоркой «Видал татарин во сне кисель, да ложки не было; лег спать с ложкой — не видал киселя» (Хармс 2000: 352). Последнюю мы находим на странице 30-й первого тома указанного выше издания 1904 года. Очевидно, что *Пословицы русского народа* были одной из настольных книг Хармса, из которой он черпал прежде всего народные поверия, составившие вместе с другими заинтересовавшими его приметами и предсказаниями *суеверологический* кругозор писателя⁴. Эти поверия и приметы, в свою очередь, становились для него творческим материалом.

Выписки из Даля встречаются у Хармса довольно рано — в записной книжке № 8 (л. 52об.), центральной для деятельной активности ОБЭРИУ, записаны вариации из его «Русских заветных пословиц и поговорок»⁵:

Либо рыбку съестъ
 Либо на хуй сестъ
 Либо на хуй сестъ
 Либо рыбку съестъ
 Пили бы, да ели бы, да спали бы,
 да срали бы, да и больше бы не делали бы ни ху-я
 (Хармс 2002-1: 143), —

отмеченные В. Сажиным (Хармс 2002-2: 256)⁶. Но еще раньше Хармс делает отсылку к Далю в «срыве» (этот подзаголовок выделен в рукописи зелеными чернилами) «Полька затылки», написанном 1 января 1926 г., где заключительная строфа:

шея заболела на корону ўбыла
 в жаркую печку затылок утек
 не осуди шерстяная публика
 громкую *кичку*⁷
 Хармса — дитё, —

снабжена необходимым авторским примечанием «именно кичка а не кличка» (Jaccard, Устинов 1991: 199). Это словечко позаимствовано непосредственно в словаре Даля⁸ и одновременно отсылает к «Сказке о рыбаке

⁴ См. установочную главу «Опять об пятницу» в: (Виницкий 2022, 356–377).

⁵ Ср. в связи с этим внимание Хармса к *Заветным сказкам* А. Афанасьева (Дневниковые записи 1991: 430; 516).

⁶ Там же сделана справедливая отсылка к письму А. Пушкина к гр. П. Вяземскому: «Чтоб напечатать Онегина, я в состоянии — — — то есть или рыбку съестъ, или <на хуй> сестъ. Дамы принимают эту пословицу в обратном смысле» (начало апреля 1824 г.).

⁷ Здесь и далее курсив в произведениях Хармса принадлежит авторам статьи.

⁸ По определению Даля:

КИКА, кичка ж. кичечка умалит. киченка унижительное бабий головной убор, с рогами, род повойника (сорока без рогов, кокошник с высоким передом). | Кичка, нахлестка, огниво, переклада, укрепляющая палубу расшивы с носу; перед

и рыбке»: «Что ж он видит? Высокий терем./На крыльце стоит его старуха/В дорогой собольей душегрейке,/Парчовая на маковке кичка,/Жемчуги огрузили шею...».

2.

В связи с извлеченной из Даля «нежитью» обратим внимание на прозаическую шутку Хармса, придуманную в середине 1930-х гг. и посвященную неким мифическим существам — Синдерюшкину, Шарикю и Мише-официанту, поселившимся у них с Мариной Малич в комнате:

Однажды Марина сказала мне, что к ней в кровать приходил Шарик. Кто такой этот Шарик или что это такое, мне это выяснить не удалось. <...>

Я выяснил, что Шарик, Синдерюшкин и Миша живут, обыкновенно, у нас в печке. Мне это мало понятно, — как они там устроились.

Я расспрашивал Марину о Шарике, Синдерюшкине и Мише. Марина увиливала от прямых ответов. Когда я высказывал свои опасения, что компания эта, может быть, не совсем добропорядочная, Марина уверила меня, что это, во всяком случае, «Золотые сердца». Больше я ничего не мог добиться от Марины.

Со временем я узнал, что «Золотые сердца» получили не одинаковое образование. Вернее, Шарик получил среднее образование, а Синдерюшкин и Миша не получили никакого. У Шарика есть даже свои ученые труды. И поэтому он несколько свысока относится к остальным «Золотым сердцам». <...>

Однажды я узнал, что у «Золотых сердец» была вечеринка. Они сложились и купили маринованного угря. А Миша даже принес баночку с водкой. Вообще, Миша — любитель выпить.

У Шарика сапоги сделаны из пробочки.

Как-то вечером Марина сказала мне, что Синдерюшкин обругал меня хулиганом за то, что я наступил ему на ногу. Я тоже обозлился и просил Марину передать Синдерюшкину, чтобы он не болтался под ногами. (Хармс 1991: 456–457).

По мнению исследователя, этот рассказ «изобилует парадоксами, смешением пространственных координат и пропорций» (Кобринский 2008: 319). Между тем у такого смешения пропорций есть вполне реалистическая (*суеверологическая*) подоплека. Перед нами своего рода семейная быличка

или нос судна. Сарынь на кичку! бурлаки на нос, прочь; обычный приказ бывших волжских разбойников. | Дымовая труба на солеварне (Даль 1863: т. 1, 722).

Предоставим интерпретировать этот свод понятий в приложении к Хармсу более удачливым и расторопным толкователям.

в духе булгаковского «магического реализма», которую можно связать, с одной стороны, с приведенной выше записью о бессловесной нежити (писателю так и не удастся переговорить ни с кем из «Золотых сердец», что и хорошо, ибо, по Далю, «увидать домового — к беде, к смерти»), а с другой, с главой о живущих за печкой домовых, включенной в книгу Даля *О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа*.

Домовой изображается здесь как практически бессловесный домашний дух-проказник, которого нужно ублажать, подкармливать и который имеет доброе сердце: он «вообще добродетельнее прочих отложился от сатаны или как народ выражается от чорта отстал, а к людям не пристал» (Даль 1994: 15). Заметим, что сентенция о бессловесных в книге пословиц Даля, обратившая внимание Хармса, соседствует с приметам, связанными с нечистой силой: «У нежити своего обличия нет, она ходит в чинах»; «Есть домовые одиночки, есть сдружливые» и т.д. (Даль 1862: 1042). Другим возможным источником фантазии Хармса следует считать спиритический городской фольклор — бытовавшие в течение полувека многочисленные истории о шаловливых духах (или — в зависимости от верований участников сеансов — чертенятах) с удивительными именами и фамилиями (Спиридон, Третьяковский, Харитон, Катя злая, свинья с поросятами, Шклява, Жаба, Петух, Козел, Сова, Монах Иоанн Дамаскин и пр.) (Виницкий 2009: 158).

Не менее удивительные имена даны и «золотым сердцам», и, как было сказано выше, в преломлении поверий и примет, они становятся для Хармса творческим материалом. 18 февраля 1936 г. он сочиняет «Подслушанный мною спор золотых сердец о бешемели», где ни один из протагонистов не назван по имени, но указано точное название одного из основных соусов французской кухни — предположительно лишь затем, чтобы зарифмовать в стихотворении «шумели»/«зашумели»/«бешемели»:

Мчался поезд будто с гор
В окна воздуха шумели.
Вдруг я слышу разговор
Бурный спор о бешемели.

Ночь. Не видно мне лица
Только слышно мне по звуку
Золотые всё сердца!
Я готов подать им руку.

я поднялся, я иду.
Я качаюсь по вагону.
Если я не упаду
Я найду их, но не трону.

Вдруг исчезла темнота
В окнах станция мелькнула
В грудь проникла теснота
В сердце прыгнула акула.

Заскрипели тормоза
 Прекратив колёс погони.
 Я гляжу во все глаза
 Я один в пустом вагоне.

Мне не слышно больше слов
 О какой-то бешемели.
 Вдруг опять как средь лесов
 Ветры в окна зашумели

И вагоны заскрипев
 Понеслись. Потух огонь.
 Мчится поезд, будто лев
 Убегает от погонь.

(Хармс 1991: 458).

Это «упражнение в классических размерах» (или просто УКР — важный творческий термин Хармса) соответствует поэтическим фигурам наработанных поэтом прежних «вещей», как, например, «случай на железной дороге» (1926): «и влетая *на вагоны* / перемыла не того...»; «Разбойники» (1926): «Но лишь *потух костер* / Проснулись мертвецы... / Бог длани распростер / свирепые дворцы / *потухли на горах*...»; «Авиация превращений» (1927): «мама *сердце* звучный лед...»; «Выходит Мария отвесив поклон...» (1927): «Над нами встают *золотые дымы* / за нашей спиной пробегают коты...»; «Комедия города Петербурга» (1927): «Щепкин (поет) — Я бегу верчу ногою / в небо прыгаю *как лев*...» и «Мария: Нет. Я с *воздухами* на знакома...» и «Жизнь человека на ветру» (1928): «Я зол *как лев* — / Сказал дитина пылкий...», «Гюльпанов среди хореев» (1929): «И лишь птички / *ветров* дети...» и «*ветры* хлопают листьями / травы стелятся у ног...»; «Диалог двух сапожников» (1929): «там стоит как в отраженьи / шкаф стеклянный / точно сон / прислонился без движенья / к *золотому стулу* он...»; «Я сидел на одной ноге...» (1929): «Направо от меня *шумел* тоскливый слон, / тоскливый слон. / Зачем *шумишь?* Зачем *шумишь?* — / его спросил я протрезвась...»; «Утро (Пробуждение элементов)»: «это, сонный разомлев, / Тянет голову сам *лев*...»; «<Раговоры за самоваром>» (1930): «Когда на улице светая / летают *воздухи одни*...» и «Видел я в долинах Рога / *мчался* грозный Ахерон...»; «Дорогой мой, купите мне бубенчик...» (1930–33): «Ну тогда бегите на *станцию* и купите мне четырёх коней. / На которую *станцию* мне бежать?...»; Хню (1931): «Сёл свет рек звон *лесов шурушание* / ежеминутно удалялись. / Хню пела...»; Наблюдение (1933): «Два человека в злобном *споре* / забыли всё вокруг, но вскоре / им стал противен *этот спор*, и вот они не спорят больше с этих пор...»; Архитектор (1933): «*Я слышу разговор* двух плотников. <...> / *Я слышу* на Неве трещит моторка. / *Я слышу* ветром хлопает о стену крыша...»; «*Начало спора* / произошло вблизи Исаакиевского Собора...» (1933); «[*Мчится* немец меж домами / *мчится* в бархатных штанах / *мчится* быстро в гости к маме / в город славный Штаккельнах...]»

(1933); «почему любовный фибр...» (1933): «с диким рёвом *будто лев* / я несусь туда где в море / плещат груди чудных дев»; «Стоит среди волн морских пустынный остров...» (1934): «Спокойно море. Кое-где *мелькнёт акула* / Ударит по волне хвостом...»; «Господи пробуди в душе моей пламень Твой...» (1935): «Отпусти Господи *тормоза* вдохновения Моего / Успокой меня Господи / И напои сердце моё источником дивных Слов Твоих»; «Второе послание к Марине» (1935): «Останови Владыко *ветры* / И прекрати!...»; и т. д.⁹

И, наконец, в отношении всей этой нежити восклицание персонажа «Проходящие облака»: «А потому и разговор *небывших* /мы будем называть *небывшим*...», и другого персонажа — «Голоса» в «Дон Жуане» (1932):

Эй *тварь*
живая и неживая,
такая и нетакая,
от племяни и не от племяни,
во времяни и не во времяни
расступись
перед ним, перед самим,
господином
и таким и не таким!

(Хармс 1978: 160–162).

3.

Фантазия Хармса о «золотых сердцах» вписывается в контекст принципиально важных для него рассуждений о вере и неверии. «Человек, — записывает он 22 ноября 1937 г., — не “верит” или “не верит”, а “хочет верить” или “хочет не верить”. Есть люди, которые не *верят* и не *не верят*, потому что они не хотят верить и не хотят *не верить*. Так, я *не верю* в себя, потому что у меня нет хотения *верить* или *не верить*». За этой записью следуют другие на смежные темы: «Сомнение — это уже частица веры»; «Есть ли чудо? Вот вопрос, на который я хотел бы услышать ответ» (Дневниковые записи 1991: 502).

В своих комментариях к дневниковым записям Хармса один из авторов отмечал смысловую переключку приведенного рассуждения с фразой Кириллова из *Бесов* Федора Достоевского: «— Нет, я сам угадал: Ставрогин если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, но не верует, что он не верует» (Дневниковые записи 1991: 582)¹⁰. Здесь же был проци-

⁹ Все цитаты приводятся по изд.: Даниил Хармс. *Собрание произведений*. В 4 кн. Под ред. М. Мейлаха и Вл. Эрля. Bремен: K-Press, 1978–1988; за исключением стихотворений «почему любовный фибр...» и последующих, которые приводятся по: Даниил Хармс. *Полное собрание сочинений*. Т. 1: Стихотворения и переводы. Под ред. В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997.

¹⁰ Свидетельства интереса Хармса к Достоевскому отражают уже его ранние записные книжки, например: «На 12 мая 1926 г. С 7 ч. веч. — 10 <часов вечера> читать Досто-

тирован соответствующий фрагмент из воспоминаний Л. Пантелеева о Хармсе:

В какого Бога вы верите? — спросил он меня однажды. — В такого, как на голубом небе под куполом — с бородой, старенького?

— Нет, не в такого.

— А я — в такого. Именно в такого. Седого, доброго, бородатого (старичка).

<...> Кажется, я не записал самое главное, что меня притягивало к Даниилу Ивановичу. Его православная религиозность. <...> Мы с ним обменялись молитвенниками. Молитвословами. Видел его молящимся на коленях, на паперти Вознесенской церкви. Читал его стихи «Молитва на сон грядущий» (Дневниковые записи 1991: 582).

Еще ближе этот силлогизм Хармса оказывается к сформулированному Достоевским в апрельской книжке *Дневника писателя* за 1876 г. психологическому закону веры и неверия («Опять только одно словцо о спиритизме»):

...я думаю, что кто захочет уверовать в спиритизм, того ничем не остановишь, ни лекциями, ни даже целыми комиссиями, а неверующего, если только он вполне *не желает* поверить, — ничем не соблазнишь. Вот именно это-то убеждение я и выжил на февральском сеансе у А. Н. Аксакова, по крайней мере, тогда в виде первого сильного впечатления. До тех пор я *просто* отрицал спиритизм, то есть, в сущности, был возмущен лишь мистическим смыслом его учения (явлений же спиритских, с которыми я и до сеанса с медиумом был несколько знаком, я не в состоянии был *вполне* отрицать никогда, даже и теперь, и особенно теперь — после того как прочел отчет учрежденной над спиритизмом ученой комиссии). Но после того замечательного сеанса я вдруг догадался или, лучше, вдруг узнал, что я мало того что не верю в спиритизм, но, кроме того, и вполне *не желаю* верить, — так что никакие доказательства меня уже не поколеблют более *никогда*.

Вот что я вынес из того сеанса и потом уяснил себе. И, признаюсь, впечатление это было почти отрадное, потому что я несколько боялся, идя на сеанс. Прибавлю еще, что тут не одно только личное: мне кажется, в этом наблюдении моем есть и нечто общее. Тут мерещится мне какой-то особенный закон человеческой природы, общий всем и касающийся именно веры и неверия вообще. Мне как-то выяснилось тогда, именно чрез опыт, именно чрез этот сеанс, — какую силу неверие может найти и развить в самом себе, в данный момент, совершенно помимо вашей воли, хотя и согласно с вашим тайным желанием... Равно, вероятно, и вера. Вот об этом-то я и хотел бы сказать. (Достоевский 1981, т. 22: 127).

В наиболее отточенной форме Достоевский формулирует свое кредо в главе о *реалисте* Алеше Карамазове:

Если реалист раз поверит, то он именно по реализму своему должен непременно допустить и чудо. Апостол Фома объявил, что не поверит, прежде

евского Село Степанчиково»; или: «Достоевского “Дядюшкин Сон”. Инсценировка — под комедию» (Хармс 2002: 69, 94).

чем не увидит, а когда увидел, сказал: «Господь мой и бог мой!» Чудо ли заставило его уверовать? Вероятнее всего, что нет, а уверовал он лишь единственно потому, что желал уверовать и, может быть, уже веровал вполне, в тайнике существа своего, даже еще тогда, когда произносил: «Не поверю, пока не увижу». (Достоевский 1972, т. 14: 25).

В этом смысле *вожатый* Объединения Реального Искусства Даниил Хармс был самым что ни на есть чистым реалистом, ревновавшим жену к домашним запечным духам (не инкубы ли?), верившим в действительность суеверных рассказов моряков (Виницкий 2022: 356–361), а также одного аббата, испражнившегося под влиянием страшного взгляда жабы¹¹, занимавшимся гематрическими исчислениями, открывающими тайные законы времени, навечно скрытые от окружавших его кривляющихся в парикмахерской «страшных баб» с нелепыми и пошлыми рожами.

Здесь уместно вспомнить знаменитый богословский диалог хармсовского героя с Сакердоном Михайловичем в мистической повести «Старуха» (1939), в котором мы видим не только отголосок кирилловской «формулы Ставрогина» (Дневниковые записи 1991: 582)¹², но и вариацию на темы мистического реализма Алеши Карамазова и апрельской статьи Достоевского о законе неверия:

— Видите ли, — сказал я, — по-моему, нет верующих или неверующих людей. Есть только желающие верить и желающие не верить.

— Значит, те, что желают не верить, уже во что-то верят? — сказал Сакердон Михайлович. — А те, что желают верить, уже заранее не верят ни во что?

— Может быть, и так, — сказал я. — Не знаю.

— А верят или не верят во что? В Бога? — спросил Сакердон Михайлович.

— Нет, — сказал я, — в бессмертие.

— Тогда почему же вы спросили меня, верую ли я в Бога?

— Да просто потому, что спросить: «Верите ли вы в бессмертие?» — звучит как-то глупо, — сказал я Сакердону Михайловичу и встал.

— Вы что, уходите? — спросил меня Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я, — мне пора

(Хармс 1991: 415)¹³.

¹¹ См.: (Кобринский 2022: 377–380).

¹² См. также совершенно новаторское на тот момент наблюдение Робина Айзлвуда о полиморфии подтекстов из Достоевского в *Старухе*: “The principal sources are *Prestuplenie i nakazanie* and *Brat’ia Karamazovy* <...>, although the range of Dostoevskian reference can undoubtedly be drawn wider to include, for example, *Zapiski iz podpol’ia* <...>, with whose neurotic hero Kharms’ narrator has much in common. The treatment of these themes may seem to have elements of parody, but ultimately Kharms does not downgrade their seriousness; rather they move from the plane of ideas onto the everyday existential level” (Kharms 1995: xvi).

¹³ Ср. также замечание в работе Ж.-Ф. Жаккара о других подтекстах Достоевского в повести *Старуха*: «Отметим употребление в этом диалоге глагола “веровать” <...>, того же самого, что использован в “Преступлении и наказании” и в других произведениях Достоевского в диалогах о Боге. <...> Опуская многочисленные примеры, необходимо, тем не менее, отметить мимоходом, что “желание верить” смыкается с “буду верить” Шатова, а “желать не верить” — с бунтом Ивана Карамазова» (Жаккар 2005: 60).

В финале *Старухи* герой Хармса прячется в кустах можжевельника в пристанционном леске (не аллюзия ли на пророка Илию, спасавшегося от язычницы Иезавель в пустыне под можжевельником: «Бегите! Спасайте свои жизни! Будьте, как одинокий можжевельник в пустыне» [Иер. 48:6], — и, наблюдая зеленую гусеницу, «негромко говорит» слова молитвы: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь» (Хармс 1991: 430).

В дневниковых записях конца 1937 года молитвы сопровождают признания в отчаянии. «23 октября 1937 года. 6 ч. 40 м. вечера. Боже, теперь у меня одна единственная просьба к тебе: уничтожь меня, разбей меня окончательно, ввергни в ад, не останавливай меня на полпути, но лиши меня надежды и быстро уничтожь меня во веки веков. Даниил» (Дневниковые записи 1991: 501). «16 ноября 1937 года. Я больше не хочу жить. Мне больше ничего не надо. Надежд нет у меня никаких. Ничего не надо просить у Бога, что пошлет Он мне, то пусть и будет: смерть, так смерть, жизнь, так жизнь, — всё, что пошлет мне Бог. В руке Твои, Господи, Иисусе Христе, предаю дух мой. Ты мя сохрани, Ты мя помилуй и живот вечный даруй мне. Аминь» (Дневниковые записи 1991: 501–502). Накануне записи о (не)хотении верить между 17 и 22 ноября Хармс пишет: «Я ничего не могу делать. Я не хочу жить» (Дневниковые записи 1991: 502). «22 ноября 1937 года. На что ропщу я? Мне дано всё, чтобы жить возвышенной жизнью. А я гибну в лени, разврате и мечтании» (Дневниковые записи 1991: 502).

Видимо, в теологическом контексте темы веры (*credo quia absurdum*) следут рассматривать и известное признание Хармса, относящееся к 31 октября 1937 года:

Меня интересует только «*чушь*»; только то, что не имеет никакого практического смысла. Меня интересует жизнь только в своем нелепом проявлении.

Геройство, пафос, удадь, мораль, гигиеничность, нравственность, умиление и азарт — ненавистные для меня слова и чувства.

Но я вполне понимаю и уважаю: восторг и восхищение, вдохновение и отчаяние, страсть и сдержанность, распутство и целомудрие, печаль и горе, радость и смех. (Дневниковые записи 1991: 501).

Между тем в конечном итоге позиция «позднего Хармса» («у меня нет хотения верить или не верить») принципиально отличается как от мистического энтузиазма Алеши, так и от неожиданного озарения героя *Старухи*. Если искать литературные аналогии-генеалогии, в этом признании звучит тихое отчаяние чеховского узника палаты в доме для умалишенных: «Андрей Ефимыч понял, что ему пришел конец, и вспомнил, что Иван Дмитрич, Михаил Аверьяныч и миллионы людей верят в бессмертие. А вдруг оно есть? Но бессмертия ему не хотелось, и он думал о нем только одно мгновение. Стадо оленей, необыкновенно красивых и грациозных, о которых он читал вчера, пробежало мимо него; потом баба протянула к нему

руку с заказным письмом... Сказал что-то Михаил Аверьяныч. Потом все исчезло, и Андрей Ефимыч забылся навеки» (Чехов 1947: 160).

В нежилом доме, как говорится в разделе «Приметы и суеверия» в собрании Даля, только и есть, что одна нежить.

ЛИТЕРАТУРА

- Виницкий Илья. «Дух литературы. Рассуждение о художественном спиритуализме Н. С. Лескова». *Тыняновский сборник*. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. Ред. Е. А. Тоддес. Москва: Водолей, 2009.
- Виницкий Илья. *О чем молчит соловей. Филологические новеллы о русской культуре от Петра Великого до кобылы Буденного*. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2022.
- Даль Владимир. *Пословицы русского народа*. Москва: Университетская типография, 1862.
- Даль Владимир. *Толковый словарь живаго великорускаго языка*. Т. 1. Москва: Типография А. Семена, 1863.
- Даль Владимир. *О повериях, суевериях и предрассудках русского народа*. Санкт-Петербург: Литера., 1994.
- «Дневниковые записи Даниила Хармса». <Вступ.ст. и комментарии А. Устинова.> Публ. А. Устинова и А. Кобринского. *Минувшее. Исторический альманах*. Т. 11. Paris: Atheneum, 1991: 417–583.
- Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений в 30 тт.* Ленинград: Наука, 1981.
- Jaccard Jean-Philippe, Устинов Андрей. «Заумник Даниил Хармс: Начало пути». *Wiener Slavistischer Almanach* 27 (1991): 159–228.
- Жаккар Жан-Филипп. «Наказание без преступления: Хармс и Достоевский». *Столетие Даниила Хармса*. Науч. ред. А. Кобринский. Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД, 2005: 49–64.
- Кобринский Александр. *Даниил Хармс*. Москва: Молодая гвардия, 2008.
- Кобринский Александр. «К вопросу об источниках записных книжек Даниила Хармса: Взгляд жабы, появление совы, хвост ящерицы в башмаке». *Летняя школа по русской литературе* 3–4 (2022): 376–388.
- Ковалев Геннадий. *Этнос и имя*. Воронеж: ВГУ, 2003.
- Хармс Даниил. *Собрание произведений*. Кн. 2: Стихотворения 1929–1930; Лапа; Гвидон. Под ред. М. Мейлаха и Вл. Эрля. Bremen: K-Press, 1978.
- Хармс Даниил. *Полет в небеса: Стихи. Проза. Драма. Письма*. Под ред. А. А. Александрова. Ленинград: Советский писатель, 1991.
- Хармс Даниил. *Новая анатомия*. Под ред. В. Н. Сажина. Санкт-Петербург: Азбука, 2000.
- Хармс Даниил. *Записные книжки. Дневник*: В 2 кн. Под ред. Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002.
- Чехов Антон. *Полное собрание сочинений и писем*. В 20 т. Т. 8. Повести, рассказы, статьи, заметки 1892–1895. Москва: Госиздат, 1947.
- Kharms Daniil. *The Old Woman*. Ed. with an introduction, notes and vocabulary by Robin Aizlewood. London: Bristol Classical Press, 1995.

REFERENCES

- Chekhov Anton. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*. V 20 t. T. 8. Povesti, rasskazy, stat'i, zametki 1892–1895. Moskva: Gosizdat, 1947.
- Dal' Vladimir. *Posloviy russkogo naroda*. Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1862.
- Dal' Vladimir. *Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago yazyka*. T. 1. Moskva: Tipografiya A. Semena, 1863.
- Dal' Vladimir. *O poveriyah, sueveriyah i predrassudkah russkogo naroda*. Sankt-Peterburg: Litera., 1994.

- “Dnevnikovye zapisi Daniila Harmsa”. <Vstup.st. i komentarii A. Ustinova.> Publ. A. Ustinova i A. Kobrinskogo. *Minuvshee. Istoricheskij al'manah*. T. 11. Paris: Atheneum, 1991: 417–583.
- Dostoevskij Fedor. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 30 t. Leningrad: Nauka, 1981.
- Harms Daniil. *Sobranie proizvedenij*. Kn. 2: Stihotvoreniya 1929–1930; Lapa; Gvidon. Pod red. M. Mejlahi i Vl. Erlya. Bremen: K-Press, 1978.
- Harms Daniil. *Polet v nebesa: Stihi. Proza. Drama. Pis'ma*. Pod red. A. A. Aleksandrova. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1991.
- Harms Daniil. *Novaya anatomiya*. Pod red. V. N. Sazhina. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2000.
- Harms Daniil. *Zapisnye knizhki. Dnevnik*. V 2 kn. Pod red. Zh.-F. Zhakkara i V. N. Sazhina. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2002.
- Jaccard Jean-Philippe, Ustinov Andrej. “Zaumnik Daniil Harms: Nachalo puti”. *Wiener Slawistischer Almanach* 27 (1991): 159–228.
- Kharmas Daniil. *The Old Woman*. Ed. with an introduction, notes and vocabulary by Robin Aizlewood. London: Bristol Classical Press, 1995.
- Kobrinskij Aleksandr. Daniil Harms. Moskva: Molodaya gvardiya, 2008.
- Kobrinskij Aleksandr. “K voprosu ob istochnikah zapisnyh knizhek Daniila Harmsa: Vzglyad zhaby, poyavlenie sovy, hvost yashchericy v bashmake”. *Letnyaya shkola po russkoj literature* 3–4 (2022): 376–388.
- Kovalev Gennadij. *Etnos i imya*. Voronezh: VGU, 2003.
- Vinickij Il'ya. “Duh literatury. Rassuzhdenie o hudozhestvennom spiritualizme N. S. Leskova”. *Tynyanovskij sbornik*. Vyp. 13: XII–XIII–XIV Tynyanovskie chteniya. Issledovaniya. Materialy. Red. E. A. Toddes. Moskva: Vodolej, 2009.
- Vinickij Il'ya. *O chem molchit solovej. Filologicheskie novelly o russkoj kul'ture ot Petra Velikogo do kobyly Budennogo*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2022.
- Zhakkar Zhan-Filipp. “Nakazanie bez prestupleniya: Harms i Dostoevskij”. *Stoletie Daniila Harmsa*. Nauch. red. A. Kobrinskij. Sankt-Peterburg: IPC SPGUTD, 2005: 49–64.

Иља Вињицки, Андреј Устинов

„РАЗГОВОР НЕПОСТОЈЕЋИХ“:
ДУХОВИ, ДАЉ И ДОСТОЈЕВСКИ У ХАРМСОВОЈ „СУЈЕВЕРОЛОГИЈИ“

Резиме

Овај рад истражује случајеве у „сујеверологији“ Данила Хармса, како у његовим дневничким записима, тако и у његовој прози 1930-их. У преламању веровања и знакова, ови случајеви „сујеверја“ постају креативни материјал за Хармса, посебно у песми коју је написао 18. фебруара 1936, „Разговор Златних Срдаца о бешамелу који сам прислушкивао“.

Кључне речи: Данил Хармс, Владимир Даљ, Фјодор ДостојеВСки, знакови, изреке.